

36   **Обстоятельственные конструкции с деепричастиями на *-mâkâ* и *-meškä*¹**

36.1   **Введение**

Данный раздел продолжает анализ деепричастий (см. также главу 35). Он посвящен формам на *-mâkâ* / *-măkă* (далее указывается только первый алломорф) и на *-meškä*, демонстрирующим ряд нетривиальных семантических, синтаксических и дискурсивных свойств. Деепричастие на *-mâkâ*, помимо базового употребления в контекстах предшествования (1), в некоторых контекстах обнаруживает дополнительное, дискурсивно обусловленное употребление в значении одновременности, при которой точечное зависимое событие вложено в длительное главное (2). Специфика этого употребления состоит в том, что зависимое событие ‘вставать’ предшествует не самому главному событию ‘есть суп’, а неназванному, но подразумеваемому событию обнаружения главного события субъектом зависимого события и / или говорящим (‘я увидел, что...’).

- (1)   *maša to-kâ-žê   tol-mâkâ   amal-aš vaz-ân.*
Маша дом-ILL2-POSS.3SG   приходить-CVB.ANT   спать-INF   лечиться-PRET
‘Когда Маша пришла домой, она легла спать’.
- (2)   *kân'âl-măk-em   maša lem-âm kačk-eš   âl'â.*
вставать-CVB.ANT-POSS.1SG   Маша суп-ACC   есть-NPST.3SG   RETR1
‘Когда я встал, [я увидел, что] Маша ела суп’.

Семантика деепричастия на *-meškä* обнаруживает сложно устроенное взаимодействие с аспектуальными категориями глагола, информационной структурой и пропозициональной семантикой, которое нагляднее всего видно в контекстах с главным предикатом под отрицанием. Предложение (3), помещенное в отрицательный контекст (4), имеет три возможных прочтения, которые в зависимости от контекста и интонации обладают различной информационной структурой и сферой действия отрицания. В первом прочтении топиком является зависимая темпоральная клауза ‘до восхода солнца’, и относительно него делается утверждение об отсутствии сна у Маши. Во втором прочтении, напротив, в топикальную часть входит главная клауза ‘Маша не спала’, а клауза ‘до восхода солнца’ попадает в фокус и задает временной предел главного события. Наконец, третье прочтение отличается от второго тем, что отрицание охватывает только зависимую клаузу ‘до восхода солнца’, указывая, что предел главного события определен неточно.

- (3)   *maša kečâ   lük-meškâ   amal-en.*
Маша солнце   выходить-CVB.LIM   спать-PRET
‘Маша спала до восхода солнца’.
- (4)   *maša kečâ   lük-meškâ   amalâ-de.*
Маша солнце   выходить-CVB.LIM   спать-NEG.PRET
‘До восхода солнца Маша **не спала** (= спала только после)’.
‘Маша не спала **до восхода** солнца (= тогда и легла спать)’.
‘Маша спала **не до восхода** солнца (= раньше проснулась)’.

Эти и другие особенности будут предметом дальнейшего рассмотрения. В разделе 36.2 оговариваются основные принципы изучения таксисных конструкций с деепричастиями, в разделах 36.3–36.4 обсуждается семантика деепричастий на *-mâkâ* и *-meškä* соответственно. В разделе 36.5 подводятся итоги.

---

¹ Подготовка главы поддержана Российским научным фондом (проект № 22-18-00528, выполняемый в Институте языкознания РАН).

36.2 Принципы анализа конструкций с деепричастиями

Как уже было сказано в разделе 35.1, деепричастия выражают обстоятельственные отношения между событиями, в первую очередь таксисные отношения. К базовым значениям зоны таксиса относятся значения одновременности, следования и предшествования, а также более частные типы с разнообразными моделями полисемии, ср. [Nedjalkov 1998: 432, 440, 445].

В случае, когда события полностью разведены во времени, для интерпретации достаточно информации об их взаимном порядке и о контактности/дистантности их расположения [Мальчуков 2001; Храковский 2009: 31]. Если же события расположены контактно или пересекаются, становятся релевантны и другие их характеристики.

Наиболее значимым из вторичных параметров является параметр видового ракурса события, противопоставляющий совершенные, или ограниченные во времени, события имперфективным, или неограниченным [Храковский 2009: 29–34]. В несколько упрощенном виде это противопоставление сводится к оппозиции интервальных, или длительных, и моментальных, или точечных, событий [Longacre 2007: 379–380; Dixon 2009: 2]. Так, предложения *Когда Маша ела, пришел Петя* и *Когда Маша поела, пришел Петя* различаются видовым ракурсом события ‘(по)есть’: в первом случае оно имперфективное, во втором — совершенное. Имперфективные события в отличие от совершенных могут задавать фон для других событий, поэтому в первом случае отношение между ‘(по)есть’ и ‘прийти’ получается одновременным, а во втором случае — последовательным. Аналогичным образом можно сказать, что в первом случае мы имеем дело с длительным событием, а во втором — с точечным, с той оговоркой, что хотя ‘поесть’ изначально представляет собой длительное событие, но в таксисной конструкции релевантно только достижение его конечной точки.

Другой важной, хотя и редко отмечаемой в типологии деепричастий характеристикой является информационная структура высказывания и то, какую функцию в ней выполняет зависимая клауза — выражение топика/данной информации или фокуса/новой информации [König 1995: 85–91], ср. также теоретические рассуждения об информационной структуре полипредикативных конструкций в [Givón 2001b: 344; Dooley 2010: 10–11]. Так, предложение *Пока не пришел учитель, мы сидели и разговаривали* отличается от *Мы сидели и разговаривали, пока не пришел учитель* порядком слов и коммуникативной организацией. В первом примере зависимая клауза *Пока не пришел учитель* занимает начальную позицию в предложении, по умолчанию ассоциированную с топиком, тогда как во втором она располагается в постпозиции к главной клаузе и при нейтральной коммуникативной организации оказывается в фокусе. Таким образом, при почти полной идентичности интерпретаций в первом случае акцент делается на интервал, в который помещается главное событие, а во втором — на точку, которая ограничивает протекание главного события.

Наконец, каждое из двух событий имеет ассоциированную с ним прагматику, поэтому и сочетание двух событий может прагматически варьироваться, см., в частности, [König 1995: 83–85]. К примеру, из двух предложений *Вася нагрел воду до кипения* и *Вася нагрел воду до прихода Маши* первое в силу прагматической устойчивости сочетания ‘нагреть’ и ‘кипеть’ обозначает контактно наступивший во времени результат, тогда как во втором случае события никак не связаны и по умолчанию интерпретируются как отстоящие друг от друга во времени.

Как и любые другие таксисные конструкции, горномарийские конструкции с деепричастиями на *-măkă* и *-meškă* находятся на пересечении событийной семантики предикатов с прагматическими и информационно-структурными аспектами высказывания, требуя учета большого числа параметров. Далее рассмотрим их подробнее.

36.3 Деепричастие предшествования на *-măkă*

36.3.1 Общие сведения

Деепричастие на *-măkă* выражает таксисное значение предшествования, ср. в частности [Галкин и др. (ред.) 1961: 99; Alhoniemi 1993: 137; Саваткова 2002: 241–243; Андреева 2008b: 12; Андреева 2016: 13–14], и является одним из наиболее употребительных горномарийских деепричастий. В корпусе фиксируется 125 употреблений данной формы. К десяти наиболее частотным глаголам, присоединяющим *-măkă*, относятся следующие: *lăktăš* ‘выходить’ (16 вхождений), *tolaš* ‘приходить’

(7 вхождений), *keš* ‘идти’, *pätäš* ‘заканчиваться’ (по 6 вхождений), *ertäš* ‘проходить’, *kačkaš* ‘есть’, *pätäräš* ‘заканчивать’ (по 5 вхождений), *miš* ‘приходить’, *pāraš* ‘входить’ и *tängäläš* ‘начинать’ (по 4 вхождения). Большинство из них, шесть, относятся к глаголам движения, из остальных четырех три являются фазовыми. Значение предшествования проиллюстрировано в (5).

- (5) *ke-mäk-em maša lem-äm kačk-än.*
идти-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-PRET
‘После того как я ушел, Маша съела суп’.

В статье [Андреева 2016: 13–14], посвященной таксисной специфике марийских деепричастий, утверждается, что деепричастие на *-meke* (аналог *-mākā* в луговом марийском) выражает только значение дистантного, но не контактного или прерывающего предшествования в терминологии [Храковский 2003: 42]. В свою очередь, в горномарийском языке семантика предшествования, выражаемая деепричастием на *-mākā*, не маркирована с точки зрения длины интервала между двумя событиями: им может выражаться предшествование и с длительным (6), и с коротким интервалом (7), а также непосредственная контактность событий (8).

- (6) *vas'a čeboksar-äš ke-mäkā ik i-štā tol-än.*
Вася Чебоксары-ILL идти-CVB.ANT один год-IN приходить-PRET
‘Вася, уехав в Чебоксары, через год вернулся’.
- (7) *maša to-kā-žā tol-mākā török=ok läkt-än ke-š.*
Маша дом-ILL2-POSS.3SG приходить-CVB.ANT сразу=EMPH выходить-CVB идти-AOR
‘Маша, придя домой, сразу ушла’.
- (8) *vas'a l'ävärä-škā ke-n vac-mākā l'ävär-g-en.*
Вася грязь-ILL идти-CVB лечиться-CVB.ANT грязь-DETR1-PRET
‘Упав в грязь, Вася испачкался’.

С точки зрения акционального класса основное событие ничем не ограничено: оно может быть предельным, или точечным (акциональные значения ES и EP в классификации [Татевосов 2015], см. также [раздел 17.3](#)), как ‘лопнуть’ (9), неопредельным, или длительным (значения S и P), как ‘смотреть’ (10), или иметь многократный характер, как ‘садиться’ (11). В последнем случае семантика многократности распространяется и на зависимое событие.

- (9) *vas'a tol-mākā šar pādešt-än.*
Вася приходить-CVB.ANT шарик лопаться-PRET
‘Когда Вася пришел, шарик лопнул’.
- (10) *pet'a olma-m kač-mākā vā-k-em anž-en.*
Петя яблоко-ACC есть-CVB.ANT верх-ILL2-POSS.1SG смотреть-PRET
‘Петя, съев яблоко, смотрел на меня’.
- (11) *to-kā-žā tol-mākā maša stöl lo-škā šänz-eš älän.*
дом-ILL2-POSS.3SG приходить-CVB.ANT Маша стол середина-ILL садиться-NPST.3SG RETR2
‘Когда Маша приходила домой, она садилась за стол’.

В свою очередь, зависимое событие обязано иметь конечную границу, поскольку семантика предшествования предполагает, что основное событие наступает при уже завершеном зависимом. Поэтому для конструкции с *-mākā* единственно возможно использование в качестве временного ориентира точечных событий, как ‘прийти’ в (9) и (11) и ‘съесть’ в (10). Если же этот слот в конструкции занимает длительное событие, как ‘работать’ в (12), то оно концептуализуется как делимитативное, или имеющее как начальную, так и конечную границы. При этом, как показывает пример (13), использование морфологически производного глагола допускается далеко не всегда: ограничения на деепричастие с показателем *-mākā* обнаруживаются преимущественно со стативными глаголами (как *šänzäš* ‘сидеть’, *šalgaš* ‘стоять’, *kiäš* ‘лежать’, *tumajaš* ‘думать’). При этом нельзя сказать, что стативные глаголы в этом контексте в принципе невозможны, поскольку не попадают под запрет, к примеру,

глаголы *äläš* ‘жить’, *kolaš* ‘слышать’ и *užāš* ‘видеть’, относящиеся к акциональным классам <S; S> либо <ES S; S> (см. раздел 17.3).

- (12) *pet'a rovojajâ-mâkâ vas'a tol-ân.*
Петя работать-CVB.ANT Вася приходить-PRET
‘После того как Петя поработал, Вася пришел’.
- (13) **šanzâ-mâkâ pet'a kudâvičâ-š läkt-ân.*
сидеть-CVB.ANT Петя двор-ILL выходить-PRET
Ожидаемое значение: ‘После того как Петя посидел, он вышел во двор’.

При наличии лексических или грамматических средств маркирования временных границ события ограничения на употребление глаголов могут сниматься. Так, для использования глагола *šanzâš* ‘сидеть’ в конструкции с *-mâkâ* необходимо эксплицитное маркирование при помощи аттенуативного суффикса *-äläl* (подробнее об этой аспектуальной деривации см. раздел 20.2.6) в делимитативной функции (14) или адвербиального выражения, характеризующего временной промежуток, каким в (15) является сочетание *taman'ar veremä* ‘некоторое время’.

- (14) *šanz-äläl-mâkâ pet'a kudâvičâ-š läkt-ân.*
сидеть-АТТ-CVB.ANT Петя двор-ILL выходить-PRET
‘После того как Петя посидел, он вышел во двор’.
- (15) *ta-man'ar veremä šanzâ-mâkâ pet'a kudâvičâ-š läkt-ân.*
INDEF-сколько время сидеть-CVB.ANT Петя двор-ILL выходить-PRET
‘После того как Петя посидел некоторое время, он вышел во двор’.

Особый класс предикатов — предикаты индивидуального уровня (‘знать’, ‘уметь’, ‘любить’, ‘быть голубоглазым’ и др., см. [Carlson 1977]), которые описывают неограниченно длительные события или перманентные свойства и не предполагают эпизодической смены событий. Поэтому они не могут использоваться в конструкции предшествования:

- (16) **olma-m jaratâ-mâkâ vara kačk-aš cärn-en.*
яблоко-ACC любить-CVB.ANT потом есть-INF прекращать-PRET
Ожидаемое значение: ‘Он любил яблоки, но потом перестал их есть’.

Помимо стандартных контекстов предшествования, деэпричастие на *-mâkâ* обнаруживает нетривиальное употребление в разносубъектных контекстах вроде (17) с точечным зависимым событием и длительным главным событием, в которых зависимое и основное события оказываются одновременными. Если главный глагол стоит в претерите, одновременность является одной из интерпретаций (17a), тогда как для дуративной конструкции с референцией к прошлому это единственно возможное прочтение (17b).

- (17) a. *tol-mâk-em maša lem-äm kačk-ân.*
приходить-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-PRET
‘Когда я пришел, Маша [в этот момент] ела суп’.
‘После того как я пришел, Маша ела суп’.
- b. *tol-mâk-em maša lem-äm kačk-eš ä'l'â.*
приходить-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-NPST.3SG RETR1
‘Когда я пришел, Маша [в этот момент] ела суп’.
*‘После того как я пришел, Маша ела суп’.

Существенно, что интерпретация одновременности возникает у *-mâkâ* только при таком аспектуальном сочетании и при специальных прагматических условиях, о чем пойдет речь в разделе 36.3.2. В литературе по марийским языкам прочтение одновременности у *-mâkâ* не отмечается.

Наконец, помимо таксисной семантики предшествования и маркированного употребления в значении одновременности, деэпричастие на *-mâkâ* может использоваться в контекстах гипотетического условия, как

в (18). Тем не менее такое употребление *-mâkâ* является следствием отнесенности контекста к плану будущего и все равно подразумевает отношение предшествования между событиями, поэтому не может быть признано самостоятельным значением, ср. неграмматичность (19).

- (18) *mân'-âm kâčâ-mâkâ-žâ* *gaupvaxtâ-š nânge-ä.*
 я-ACC держать-CVB.ANT-POSS.3SG гауптвахта-ILL уводить-NPST.3SG
 'Если меня схватит, на гауптвахту увезет'.
 [Корпус: «Армейская байка о водке», 49]

- (19) **vas'a to-kâ-žâ* *tol-mâkâ* *tädâ-m anzâ-c kolt-en-ät.*
 Вася дом-ILL2-POSS.3SG приходить-CVB.ANT он-ACC перед-EL посылать-PRET-3PL
 Ожидаемое значение: 'Если Вася пришел домой, значит его раньше отпустили'.

В целом, как показывает материал данного раздела, деепричастие на *-mâkâ* вписывается в типологические тенденции совмещения значений. По классификации И. В. Недялкова данная форма относится к контекстным смешанным деепричастиям третьего типа [Nedjalkov 1998: 432], выражающим значение предшествования и контекстно имеющим интерпретацию условия или причины. Вместе с тем существует особый тип контекста, в котором *-mâkâ* получает интерпретацию одновременности и к которому мы обратимся в следующем разделе.

36.3.2 Конструкция одновременности с *-mâkâ*

Деепричастие на *-mâkâ* может выступать в контексте одновременности, когда точечное зависимое событие сочетается с длительным главным. Данному условию соответствуют только такие видовременные формы главного предиката, которые допускают актуально-длительное прочтение. В (17b) главный предикат *kačkaš* 'есть' употреблен в конструкции дуратива в прошедшем (непрошедшее время + показатель ретроспективного сдвига, см. раздел 18.3.1.2). Для сравнения, нейтральная в аспектуальном отношении форма претерита допускает оба акциональных значения: предельное и непредельное и, соответственно, обе таксисных интерпретации: последовательную и одновременную (20), тогда как строго предельная конструкция *kačkân koltaš* 'съесть' допускает только последовательную интерпретацию (21).

- (20) *tol-mâk-em* *maša lem-äm kačk-ân.*
 приходить-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-PRET
 'После того как я пришел, Маша ела / съела суп'.
 'Когда я пришел, Маша [в этот момент] ела суп'.
- (21) *tol-mâk-em* *maša lem-äm kačk-ân kolt-en.*
 прийти-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-CVB посылать-PRET
 'После того как я пришел, Маша съела суп'.
 *'Когда я пришел, Маша [в этот момент] ела суп'.

Еще одним принципиальным условием допустимости одновременного прочтения является несовпадение подлежащих двух событий. В контекстах с кореферентными подлежащими (22) интерпретация одновременности исключается. Если же главный предикат выступает в дуративной конструкции, изначально не допускающей интерпретации последовательности, такой пример оказывается неграмматичным (23).

- (22) *maša tol-mâkâ-žâ* *mârâ-m mâr-en.*
 Маша приходить-CVB.ANT-POSS.3SG песня-ACC петь-PRET
 'После того как Маша пришла, она пела песню'.
 *'Когда Маша пришла, она пела песню'.
- (23) **maša tol-mâkâ-žâ* *mârâ-m mâr-a âl'â.*
 Маша приходить-CVB.ANT-POSS.3SG песня-ACC петь-NPST.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: 'Когда Маша пришла, она пела песню'.

- (31) *vara sola gāc-ən lūk-mākā karem ulā.*
 потом село EL-FULL выходить-CVB.ANT овраг EX
 ‘Потом, когда выйдешь из деревни, есть обрыв’.
 [Корпус: «День не в школе», 11]

В связи с таким нестандартным использованием деепричастия на *-mākā* возникает три вопроса:

1. Как контекст одновременности с обнаружением главного события соотносится с основным употреблением *-mākā* для описания последовательных событий (раздел 36.3.2.1)?
2. Кто из участников дискурса (участники событий, участники речевого акта) может выступать в роли субъекта обнаружения, получающего информацию о главном событии (раздел 36.3.2.2)?
3. Предполагает ли событие обнаружения именно визуальный контакт с главным событием, или обнаружение также может осуществляться по другим каналам восприятия либо при помощи логического вывода (раздел 36.3.2.3)?

Для ответа на данные вопросы мы проанализируем употребление деепричастия на *-mākā* в контекстах, в которых единственно возможной является интерпретация одновременности — в конструкции V1-*mākā* + V2-NPST *ā'ā'*². В отсутствие доступной интерпретации одновременности эта конструкция становится неграмматичной, не требуя в сравнении с простой формой претерита никаких косвенных подтверждений строго последовательной интерпретации предложения. Эту конструкцию мы далее будем для простоты называть **конструкцией обнаружения**.

36.3.2.1 Связь интерпретаций последовательности и одновременности

Ответ на первый вопрос о соотнесенности одновременных контекстов со стандартной последовательной интерпретацией становится очевиден при более внимательном взгляде на то, из чего складывается семантика рассматриваемой конструкции. Как уже было показано, помимо двух одновременных событий в описываемой ситуации присутствует обнаружение главного события, которое само по себе является отдельным, пусть и не называемым прямо событием. И именно с этим третьим событием, а не с обнаруживаемым главным событием, находится в отношении предшествования зависимое событие, описываемое предикатом с показателем *-mākā*. Такой анализ во многом подкрепляется интуицией носителей, которые в процессе элицитации нередко дополняют подобного рода контексты эксплицитным выражением обнаружения, вроде *mān' užəm što* ‘я увидел, что’ (32). Допускается также использование адвербиала *mān' anzālnem* ‘у меня на глазах’ (букв.: передо мной), как в (33), без введения дополнительной клаузы.

- (32) *tol-māk-em mān' už-Ø-əm, što maša lem-əm kačk-eš ā'ā.*
 приходить-CVB.ANT-POSS.1SG я видеть-AOR-1SG что Маша суп-ACC есть-NPST.3SG RETR1
 ‘Когда я пришел, я увидел, что Маша ела суп’.
- (33) *tol-māk-em mān' anzāl-n-em maša lem-əm kačk-eš ā'ā.*
 приходить-CVB.ANT-POSS.1SG я перед-IN2-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-NPST.3SG RETR1
 ‘Когда я пришел, Маша у меня на глазах ела суп’.

В свою очередь, попытка эксплицитно исключить событие обнаружения, например, посредством выражения *a mān' pālādelamat* ‘а я и не знал’ в (34), ведет к неграмматичности конструкции, что также косвенно подтверждает наш анализ.

- (34) **tol-māk-em maša lem-əm kačk-eš ā'ā, a mān' pālā-del-am=at.*
 приходить-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC есть-NPST.3SG RETR1 а я знать-NEG.PRET-1SG=ADD
 Ожидаемое значение: ‘Когда я пришел, Маша ела суп, а я и не знал’.

² Наряду с показателем ретроспективного сдвига *ā'ā'* в дуративных контекстах может также, хотя и с меньшей степенью приемлемости (см. раздел 18.3.1.2), использоваться показатель *āln*. Последний возможен и в рассматриваемой конструкции обнаружения, но в силу ограниченной допустимости будет оставлен за рамками обсуждения.

С другой стороны, как видно из неграмматичности примера (35), покидание сцены субъектом обнаружения (выход субъекта / говорящего из магазина) несовместимо с семантикой конструкции обнаружения, в том числе при экспликации события обнаружения посредством послеложной группы *mән' anzâlnem* ‘у меня на глазах’ (36).

(35) **lapka gäs lük-mäk-em vas'a rokolma-m näl-eš âl'â.*
 магазин EL выходить-CVB.ANT-POSS.1SG Вася картошка-ACC брать-NPST.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: ‘Когда я вышел из магазина, Вася покупал картошку’.

(36) **lapka gäs lük-mäk-em mән' anzâl-n-em vas'a rokolma-m*
 магазин EL выходить-CVB.ANT-POSS.1SG я перед-IN2-POSS.1SG Вася картошка-ACC
näl-eš âl'â.
 брать-NPST.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: ‘Когда я вышел из магазина, Вася у меня на глазах покупал картошку’.

Стоит также отметить, что замена формы дуратива на синтетическую форму претерита *kačk-ân* (есть-PRET) в (34) и *näl-ân* (брать-PRET) в (35)–(36) делает предложение грамматичным, но возвращает стандартную для *-mâkâ* интерпретацию предшествования.

Тем не менее, покидание сцены не всегда приводит к невозможности обнаружить основное событие. В специальном контексте, как в (37), где говорящий покидает магазин, но происходящее внутри остается доступным для обнаружения извне через окно, конструкция обнаружения допустима.

(37) *lapka gäs lük-mäk-em vas'a rokolma-m näl-eš âl'â,*
 магазин EL выходить-CVB.ANT-POSS.1SG Вася картошка-ACC брать-NPST.3SG RETR1
mән' okn'a vašt uš-Ø-âm.
 я окно сквозь видеть-AOR-1SG
 ‘Когда я вышел из магазина, Вася покупал картошку, я видел через окно’.

36.3.2.2 Субъект обнаружения

Второй вопрос, о возможных кандидатах на роль обнаруживающего участника, требует более развернутого обсуждения, поскольку, как неоднократно отмечалось в работах когнитивного направления, говорящий в порождаемом им дискурсе не только выражает собственную точку зрения на события, но и частично смотрит на них глазами других участников [Dancygier, Sweetser 2005; Sweetser 2012: 2; Kwon 2012: 10]. При этом сам говорящий может либо участвовать в описываемых событиях, либо выступать в роли стороннего наблюдателя.

Рассмотрим случаи, когда говорящий является субъектом зависимого события, выступая как участник, который эксплицитно появляется на сцене или покидает ее. В контексте вроде (38), в котором зависимое событие ‘зайти в магазин’ имеет субъект первого лица, единственно возможной интерпретацией является обнаружение главного события ‘покупать’ собственно говорящим. Введение в тот же контекст группы *maša anzâlnâ* ‘у Маши на глазах (букв.: перед Машей)’ в (39), хотя и не ведет к неграмматичности, признается прагматически избыточным.

(38) *lapka-š pârâ-mâk-em vas'a rokolma-m näl-eš âl'â.*
 магазин-ILL входить-CVB.ANT-POSS.1SG Вася картошка-ACC брать-NPST.3SG RETR1
 ‘Когда я зашел в магазин, Вася покупал картошку’.

(39) #*lapka-š pârâ-mâk-em maša anzâl-nâ vas'a rokolma-m*
 магазин-ILL входить-CVB.ANT-POSS.1SG Маша перед-IN2 Вася картошка-ACC
näl-eš âl'â.
 брать-NPST.3SG RETR1
 ‘Когда я зашел в магазин, Вася у Маши на глазах покупал картошку’.

Если же говорящий покидает сцену, обнаружить зависимое событие может либо третье лицо, либо адресат речевого акта. На практике же и в первом (40), и во втором (41) случае конструкция обнаружения невозможна, что говорит в пользу недоступности в рамках данной конструкции точек зрения других участников.

- (40) **lapka gəc lük-māk-em maša anzəl-nə vas'a rokolma-m*
 магазин EL выходить-CVB.ANT-POSS.1SG Маша перед-IN2 Вася картошка-ACC
näl-eš əl'ə.
 брать-NPST.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: 'Когда я вышел из магазина, Вася у Маши на глазах покупал картошку'.

- (41) **lapka gəc lük-māk-em tən' anzəl-n-et vas'a rokolma-m*
 магазин EL выходить-CVB.ANT-POSS.1SG ты перед-IN2-POSS.2SG Вася картошка-ACC
näl-eš əl'ə.
 брать-NPST.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: 'Когда я вышел из магазина, Вася у тебя на глазах покупал картошку'.

Единственным исключением в данном случае является вопросительный контекст, в котором перспектива смещается с говорящего на адресата. В (42) говорящий покидает сцену и уже от адресата ожидается суждение об обнаружении главного события 'покупать'. Данное явление, характеризуемое как «вопросительный сдвиг» (англ. *assessor shift*), фиксируется во многих языках мира применительно к широкому спектру категорий — дейксису, модальности, эвиденциальности и др. [Lehmann 1988].

- (42) *lapka gəc lük-māk-em vas'a rokolma-m näl-eš əl'ə?*
 магазин EL выходить-CVB.ANT-POSS.1SG Вася картошка-ACC брать-NPST.3SG RETR1
 'Когда я вышел из магазина, Вася покупал картошку?'

Теперь рассмотрим случаи, когда говорящий не является субъектом зависимого события и, следовательно, в момент, описываемый высказыванием, не появляется на сцене и не покидает ее. Говорящий может либо присутствовать на сцене изначально, либо отсутствовать на ней. Как показывает пример (43), в контексте, когда говорящий присутствует и на сцене появляется третье лицо, в данном случае Маша, обнаружение зависимого события возможно как с точки зрения этого лица, так и с точки зрения говорящего.

- (43) *maša lapka-š pərə-mākā mən' anzəl-n-em / tədə anzəl-nə*
 Маша магазин-ILL входить-CVB.ANT я перед-IN2-POSS.1SG он перед-IN2
vas'a rokolma-m näl-eš əl'ə.
 Вася картошка-ACC брать-NPST.3SG RETR1
 'Когда Маша вошла в магазин, Вася у меня / нее на глазах покупал картошку'.

Покидание сцены третьим лицом по умолчанию исключает его из числа возможных субъектов обнаружения, поэтому единственным значимым свидетелем зависимого события в (44) оказывается говорящий.

- (44) *maša lapka gəc lük-mākə mən' anzəl-n-em / *maša anzəl-nə*
 Маша магазин EL выходить-CVB.ANT я перед-IN2-POSS.1SG Маша перед-IN2
vas'a rokolma-m näl-eš əl'ə.
 Вася картошка-ACC брать-NPST.3SG RETR1
 'Когда Маша вышла из магазина, Вася у меня / *нее на глазах покупал картошку'.

Таким образом, как видно из (32)–(44), конструкция обнаружения отражает, прежде всего, точку зрения говорящего, присутствие и личное свидетельство которого обязательно даже в том случае, если непосредственное обнаружение приписывается третьему лицу. При этом не исключается передача «ответственности» за обнаружение адресату речи в случае вопросительного высказывания.

36.3.2.3 Обнаружение и способ получения информации

Наконец, третий вопрос, об отнесенности обнаружения к действительному миру и обязательности прямого доступа к событию, предполагает анализ контекстов, в которых визуальное обнаружение невозможно в принципе и речь идет о догадке или о логическом выводе. Например, сцены основного и зависимого событий могут не совпадать (45). Допустимость конструкции одновременности с *-mākā* в этом контексте позволяет говорить о том,

что в данном случае тоже происходит обнаружение, но не самого основного события, а некоторого стимула, на основании которого делается вывод, что основное событие имеет место ('я узнал / понял, что...').

- (45) *moskva-š tol-măk-em nănă čeboksar-ăštâ rovotaj-at âl'â.*
 Москва-ILL приходить-CVB.ANT-POSS.1SG они Чебоксары-IN работать-NPST.3PL RETR1
 'Когда я приехал в Москву, они работали в Чебоксарах'.

Смысл догадки / логического вывода также может передаваться посредством специализированных модальных форм глагола. Например, в (46) говорящий покидает сцену и по умолчанию не может обнаружить происходящее на ней основное событие. Однако он может с некоторой долей уверенности предположить, что это событие имеет место. В этом случае главный предикат выступает в форме дебитивного причастия.

- (46) *ke-măk-em maša lem-ăm šol-tâ-šaš-lâk âl'â.*
 идти-CVB.ANT-POSS.1SG Маша суп-ACC кипеть-CAUS-OPT-DEST RETR1
 'Когда я ушел, Маша, должно быть, варила суп'.

Грамматичность конструкции одновременности в (46) показывает, что использование модальной формы в конструкции передает все ту же идею обнаружения, только не реального, а гипотетического, которое, по мнению говорящего, могло иметь место в случае его присутствия.

Таким образом, использование деепричастия на *-măkâ* в контекстах одновременности, которое, на первый взгляд, кажется аномальным, получает логичное объяснение через семантический компонент обнаружения главного события, который имплицитно присутствует в конструкции с длительным главным и точечным зависимым событием. Зависимое событие при таком анализе предшествует событию обнаружения, что сохраняет единое значение деепричастия без необходимости постулирования труднообъяснимой полисемии. Субъектом события обнаружения является говорящий (по умолчанию) либо субъектный участник зависимой клаузы в присутствии говорящего, а также адресат речи в вопросительных контекстах. Обнаружение может выражаться не только в непосредственном восприятии главного события, но также в узнавании факта его наличия либо вовсе носить гипотетический характер.

36.4 Деепричастие следования на *-meškă*

36.4.1 Общие сведения

Основной функцией деепричастия на *-meškă*³ является выражение следования ('Р перед тем как / до тех пор как Q') [Галкин и др. (ред.) 1961: 99; Alhoniemi 1993: 138; Саваткова 2002: 238–240; Андреева 2008b: 12; Андреева 2016: 13–14]. В [Alhoniemi 1993; Саваткова 2002; Андреева 2016] для данной формы наряду со следованием выделяется значение предпочтения ('лучше Р, чем Q'), а в [Alhoniemi 1993] отдельно вводится значение относительной локализации во времени ('Р перед тем как Q') и ограничение длительного события ('Р до тех пор как Q'). Наиболее подробный список значений приводится для форм с показателем *-meške* (аналог *-meškă* в луговом марийском) в типологической работе [Nedjalkov 1998: 439] со ссылкой на примеры из [Галкин и др. (ред.) 1961: 62–63, 131, 126]: дополнительно к уже упомянутому значению следования с аналогичным разделением на относительную локализацию (следование вида 'before') и ограничение длительного события (следование вида 'until'), и к значению предпочтения, выделяется значение результата ('Р настолько, что Q'). Деление на два типа следования соответствует предложенному в типологической литературе противопоставлению между следованием и конечной точкой [Givón 2001b], следованием и *terminus ad quem* [Kortmann 1998], контактным / дистантным и прерывающим следованием [Храковский 2009]. Первая разновидность, которую мы будем далее называть **стандартным следованием**, представляет собой немаркированный тип следования, при котором основное событие наступает ранее, чем зависимое событие. Вторая разновидность, которую мы назовем **ограничительным следованием**, представляет собой маркированный тип следования, при котором длительное основное событие прекращается в точке, задаваемой зависимым событием. Деепричастие на *-meškă* заметно уступает в частотности деепричастию на *-măkâ*: в корпусе

³ Зафиксирован также вариант данного показателя *-meš*.

фиксируется лишь 12 вхождений данной формы, из которых три приходятся на фазовый глагол *pätäš* ‘заканчиваться’ и еще два — на глагол движения *läktäš* ‘выходить’.

Контексты стандартного следования в односубъектном и разносубъектном варианте приведены в (47)–(48).

- (47) *olma-m kač-meškā-žā pet'a anž-en mән' vә-k-em.*
яблоко-ACC есть-СVB.LIM-POSS.3SG Петя смотреть-PREТ я верх-ILL2-POSS.1SG
‘Петя посмотрел на меня, до того как начал есть яблоко’.
- (48) *pet'a tol-meškā mән' mār-ē-m mār-en-ām.*
Петя приходить-СVB.LIM я песня-ACC петь-PREТ-1SG
‘До того как пришел Петя, я пел песню’.

Контексты ограничительного следования в односубъектном и разносубъектном варианте приведены в (49)–(50).

- (49) *šārgä-š šo-meškā mән' kornē māč-kā ašked-ø-ām.*
лес-ILL достигать-СVB.LIM я дорога конец-ILL2 шагать-AOR-1SG
‘Я шел по дороге, пока не дошел до леса’.
- (50) *māša sv'et-ām čüktā-meškā amal-en.*
Маша свет-ACC зажигать-СVB.LIM спать-PREТ
‘Маша спала, до того как включили свет’.

При наличии интервала между событиями его длина произвольна и зависит от контекста. В (51) события могут, хотя и не обязаны, быть разделены сравнительно небольшим интервалом, в то время как в (52) промежуток мыслится как подчеркнуто длительный.

- (51) *vas'a ke-meškā ik cäs anzê-c maša tol-ân.*
Вася идти-СVB.LIM один час перед-EL Маша приходить-PREТ
‘Маша пришла за час до ухода Васи’.
- (52) *tol-mešk-em maša uže tñäm=ok pät-är-en škol-ām.*
приходить-СVB.LIM-POSS.1SG Маша уже тогда=EMPH заканчиваться-CAUS2-PREТ школа-ACC
‘К тому времени, как я приехал (букв.: до того как я приехал), Маша уже давно закончила школу’.

Существенную роль в интерпретации деепричастия на *-meškā* играют аспектуальные свойства главного и зависимого предикатов. Точечное основное событие имеет собственную лексически или контекстно заданную конечную границу, и тем самым оно завершается до наступления зависимого события. В этом случае конструкция имеет единственную интерпретацию стандартного следования:

- (53) *pet'a tol-meškā maša ke-n kolt-en.*
Петя приходить-СVB.LIM Маша идти-СVB посылать-PREТ
‘До прихода Пети Маша ушла’.

Длительное основное событие не имеет заданной конечной границы, поэтому возможны два случая: его завершение происходит «за кадром» до наступления зависимого события или оно прекращается в момент наступления зависимого события. Иными словами, контексты с длительным основным событием, как в (54), семантически неоднозначны и могут интерпретироваться и как стандартное, и как ограничительное следование.

- (54) *to-kā-žā šo-meškā maša mār-en.*
дом-ILL2-POSS.3SG достигать-СVB.LIM Маша петь-PREТ
‘Маша пела, пока не пришла домой’.
‘Маша пела, перед тем как прийти домой’.

Для интерпретации ограничительного следования важно, чтобы зависимое событие было точечным. Длительное зависимое событие, как в (55), не исключает контактной (ограничительной) трактовки, при которой начало Петингого танца совпадает с концом Машиной песни, но не акцентирует момент прекращения главного

события, поэтому в данном случае можно говорить о нейтрализации прочтений стандартного и ограничительного следования.

- (55) *pet'a kuštâ-meškă maša mâr-en.*
 Петя танцевать-CVB.LIM Маша петь-PRET
 'До того как Петя танцевал, Маша пела'.

В том случае, если точечное событие является кульминацией длительного процесса, как для ситуации еды в (56), главное событие не может пересекаться с процессной фазой и обязано предшествовать всему длительному процессу. Поэтому единственной интерпретацией в таких контекстах тоже является интерпретация стандартного следования.

- (56) *olma-m kač-meškă-žă pet'a anž-en măn' vë-k-em.*
 яблоко-ACC есть-CVB.LIM-POSS.3SG Петя смотреть-PRET я верх-ILL2-POSS.1SG
 'Петя посмотрел на меня, до того как начал есть яблоко'.
 *'Петя смотрел на меня, пока не доел яблоко'.

Высказывания с многократными событиями имеют две возможные интерпретации в зависимости от типа следования. При стандартном следовании (первая интерпретация в (57)) зависимое событие следует за каждым квантом главного события, тогда как при ограничительном следовании (вторая интерпретация в (57)) единичное зависимое событие прекращает все повторяющееся главное событие целиком.

- (57) *tädä ke-meškă so lapka-š kašt-ân.*
 он идти-CVB.LIM всегда магазин-ILL ходить-PRET
 'Перед отъездом он всегда ходил в магазин (= каждый раз ходил и уезжал)'.
 'До отъезда он все время ходил в магазин (= много раз ходил и однажды уехал)'.

Как видно из обсуждения выше, различие между стандартным и ограничительным следованием, на первый взгляд, лежит исключительно в области аспекта: при ограничительном следовании точечное событие непосредственно следует за длительным, тогда как при стандартном следовании аспектуальный характер двух событий не специфицирован. Однако при такой трактовке возникает естественный вопрос: если *-meškă* позволяет любые сочетания событий по предельности, то зачем постулировать у него два значения, когда можно выбрать более экономное решение и ограничиться одним нейтральным значением следования? Как будет показано в разделе 36.4.2, отличия ограничительного следования от стандартного не сводятся к аспекту, а скорее должны формулироваться в прагматических и информационно-структурных терминах.

В дополнение к таксисной семантике стандартного и ограничительного следования деепричастие на *-meškă* может выражать семантику предпочтения или семантику результата. Дополнительная интерпретация предпочтения возникает в ирреальных или близких к ним контекстах: футуральных (58), юссивных (59) и контрфактических (60), и в этом случае зависимое событие вводится как совпадающая по времени менее предпочтительная альтернатива главного события.

- (58) *tü-nä vâčč-meškă măn' lučâ pört-äštâ vâč-al-am.*
 внешняя_сторона-IN2 ждать-CVB.LIM я лучше дом-IN ждать-ATT-NPST.1SG
 'Чем ждать на улице, я лучше дома подожду'.
 'Перед тем как ждать на улице, я дома подожду'.

- (59) *pet'a tol-meškă maša tol-ž=aj.*
 Петя приходить-CVB.LIM Маша приходить-JUSS.SG=POL1
 'Чем Петя, пусть лучше Маша придет'.
 'Перед тем как придет Петя, пусть лучше придет Маша'.

- (60) *amalâ-meškă pet'a päšâ-lâ-šâš-lâk âlân.*
 спать-CVB.LIM Петя работа-DENOM-OPT-DEST RETR2
 'Вместо того чтобы спать, Петя должен был поработать'.
 'Перед сном Петя должен был поработать'.

Значение **результата**, выделяемое, к примеру, в типологических работах [Nedjalkov 1998: 432; Kortmann 1998: 466], можно рассматривать как частный случай ограничительного следования, при котором зависимое событие описывает результирующее состояние главного события. При этом событие в зависимой клаузе не произвольно, а связано прагматически с основным событием (ср. ‘греть до кипения’, ‘кричать до хрипоты’, ‘работать до усталости’), хотя сам круг используемых глагольных лексем, по-видимому, ничем не ограничен. Наличие такого события служит индикатором достижения главным событием результирующего состояния и одновременно параметром, по которому определяется степень проявления результата.

Принципиальной особенностью конструкции результата по сравнению с другими конструкциями с *-meškā* является обязательный субъектный/объектный контроль. Исключения касаются пар субъектных участников, связанных отношением «часть — целое», как кровь в примере (66) ниже. При двухместных предикатах, как ‘нагреть’ в (61) и ‘избить’ в (62), накопителем эффекта является второй участник с семантической ролью пациенса или темы, поэтому именно он контролирует нулевое подлежащее при деепричастии.

(61) *pet'a vād-əm šol-meškā ār-əkt-en.*
 Петя вода-ACC кипеть-CVB.LIM греться-CAUS.DIST-PRET
 ‘Петя нагрел воду до кипения’.

(62) *pet'a kol'a-m kolā-meškā šī-n šänd-en.*
 Петя Коля-ACC умирать-CVB.LIM бить-CVB сажать-PRET
 ‘Петя Колю до смерти избил’.

Накопителем эффекта может быть и субъектный участник переходного глагола, как в (63), но в этом случае предпочтительно маркирование деепричастия посессивным показателем⁴, подчеркивающим субъектный контроль нулевого подлежащего в зависимой клаузе.

(63) *pet'a vād-əm jangâlā-meškā-žä / ?jangâlā-meškā ār-əkt-en.*
 Петя вода-ACC уставать-CVB.LIM-POSS.3SG уставать-CVB.LIM греться-CAUS.DIST-PRET
 ‘Петя грел воду до усталости’.

При одноместных предикатах, как ‘греться’ в (64) и ‘работать’ в (65), накопителем эффекта является единственный участник, поэтому нулевое подлежащее деепричастной клаузы всегда контролируется подлежащим главного предиката.

(64) *vād šol-meškā ār-en.*
 вода кипеть-CVB.LIM греться-PRET
 ‘Вода нагрелась до кипения’.

(65) *mā jangâlā-meškā rovotaj-en-nā.*
 мы уставать-CVB.LIM работать-PRET-1PL
 ‘Мы поработали до усталости’.

По-видимому, это объясняется тем, что зависимая клауза со значением результата имеет другую по сравнению с темпоральной клаузой структурную позицию, располагаясь либо контактно к глагольной группе, либо непосредственно перед глаголом. Такая позиция во многом обусловлена информационно-структурной спецификой конструкции: для результата события естественно быть в фокусе, а фокусной в марийских языках является предглагольная позиция [de Groot 2017: 539], что в целом характерно для языков с базовым порядком слов SOV.

Еще одной особенностью конструкции результата по сравнению с ограничительным следованием является допустимость точечного главного события, как ‘ударить’ в (66), с мгновенным достижением результата.

(66) *pet'a vas'a-m vār lāk-meškā šel-ən kolt-en.*
 Петя Вася-ACC кровь выходить-CVB.LIM ударить-CVB посылать-PRET
 ‘Петя ударил Васю до крови’.

⁴ Это справедливо как для 3-го, так и для 1-го и 2-го лица.

В целом деепричастие на *-meškä* не обнаруживает типологически неожиданных интерпретаций и полностью укладывается в выделяемый И. В. Недеялковым третий тип контекстных смешанных деепричастий [Nedjalkov 1998: 432]. Тем не менее, как показывает нетривиальное пропозициональное поведение этой формы в отрицательных контекстах, различие между интерпретациями стандартного и ограничительного следования не до конца ясно и нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении, о чем пойдет речь в следующем разделе.

36.4.2 Отрицание и другие факторы, влияющие на интерпретацию *-meškä*

Как уже упоминалось в разделе 36.1, особенностью деепричастия на *-meškä* является сложно устроенное взаимодействие его семантики с семантикой отрицания. Влияние отрицания на интерпретацию конструкций следования является широко засвидетельствованным фактом [Kortmann 1996; Thompson et al. 2007; Bickel 2010a; Hetterle 2015]. Довольно часто в языках мира конструкции с семантикой следования содержат эксплицитный отрицательный показатель или демонстрируют нетривиальное с точки зрения пропозициональной семантики поведение. В русском языке показатель отрицания с неясной функцией представлен в таксисной конструкции с *пока (не)*, выражающей семантику ограничительного следования. В [Iordanskaja, Mel'čuk 2009; Барентсен 2014] на основании тождественных по смыслу примеров вроде *Буду ждать, пока он придет* и *Буду ждать, пока он не придет* утверждается, что отрицание в этой конструкции является «эксплетивным», лишенным какой-либо значимой функции, в то время как другие исследователи находят аргументы в пользу композиционального вклада отрицания в семантику конструкции [Abels 2002; Krifka 2010; Падучева 2014; Татевосов 2016b]. В английском языке таксисные конструкции следования не содержат отрицательных показателей, однако предложения с союзом *until* ‘до тех пор пока’ обнаруживают в отрицательных контекстах специфическую интерпретацию, побудившую некоторых исследователей отнести клаузы с *until* к элементам отрицательной полярности (англ. *negative polarity items* [Baker 1970]). Примером такого контекста является предложение *John didn't come until I called him* ‘Джон не приходил, до тех пор пока я его не позвал’, в котором подразумевается, что событие прихода Джона осуществилось с наступлением события ‘звать’. Статус этого подразумеваемого компонента по-разному трактуется различными исследователями. Так, в [Karttunen 1974] утверждается, что этот компонент является имплицатурой, или факультативным, отменяемым компонентом значения высказывания, тогда как в [Mittwoch 1977] ему придается статус обязательной импликации.

Принципиальный для дальнейшего изложения момент состоит в том, что приведенная выше дискуссия вокруг статуса отрицания в конструкциях следования касается только пропозициональных свойств данных конструкций и обходит вопрос о взаимодействии отрицания с другими параметрами — информационной структурой, а также аспектуальными характеристиками событий и интерпретацией результата, который неизбежно встает при анализе деепричастных конструкций с *-meškä*. В литературе о марийских деепричастиях эта проблема также не получает освещения. Поэтому дальнейшее обсуждение будет сосредоточено вокруг следующих трех вопросов:

1. Как соотносятся отрицание и информационная структура с основными параметрами, определяющими интерпретацию *-meškä*: предельностью событий и каузальной связанностью?
2. Какие информационно-структурные контексты возможны для каждой из трех функций *-meškä* (стандартного следования, ограничительного следования и результата)?
3. Чем отличается набор интерпретаций конструкции с *-meškä* в утвердительных и отрицательных вариантах ответов в этих контекстах?

В следующем разделе мы подробнее опишем процедуру анализа и остановимся на основных теоретических моментах, релевантных для понимания семантики конструкций с *-meškä*.

36.4.2.1 Предварительные теоретические замечания

Для ответа на поставленные вопросы прежде всего необходимо четкое понимание того, с какой из трех функций *-meškä* мы имеем дело в каждом конкретном случае: стандартным следованием, ограничительным следованием или результатом. В разделе 36.4.1 мы определили эти функции в семантических и, прежде всего, в аспектуальных терминах. Вместе с тем, как уже было отмечено, эта характеристика не отражает в достаточной мере устройства этих функций. Далее мы сформулируем алгоритм более детального семантического описания конструкций с *-meškä* и наши основные ожидания.

Первым шагом является выделение диагностических контекстов, задающих каждую из трех функций. Очевидно, что при ограничительном следовании речь идет о длительном главном событии, которое прекращается в момент наступления точечного зависимого события. Поэтому в качестве диагностического контекста для этой интерпретации можно использовать ответ на вопрос ‘как долго?’.

Стандартное следование встраивается в базовую оппозицию с одновременностью и предшествованием по взаимной локализации двух событий на оси времени. Диагностическим контекстом в данном случае может служить ответ на вопрос ‘когда?’, а именно перед, после или в одно время относительно события-ориентира. Важно, что при этой разновидности следования речь может идти о любых по предельности событиях, в том числе дающих интерпретацию ограничительного следования, ср. *Как долго Машиа гуляла? — Она гуляла, пока не позвонил Петя* и *Когда Машиа гуляла? — Она гуляла, перед тем как позвонил Петя*. В последнем случае события могут располагаться как контактно, так и дистантно во времени.

Функция результата близка к функции ограничительного следования, но акцентирует не протяженность во времени главного события, а его интенсивность по некоторому невременному лексически заданному параметру. Так, в предложении *Вася нагрел воду до кипения* событие кипения характеризует не время нагревания, а температуру воды, которая достигает критической отметки в процессе нагревания. Соответственно, диагностический контекст должен задаваться вопросом, в котором этот параметр эксплицитно упоминается. В нашем случае мы будем использовать вопрос ‘как сильно?’.

Имея в распоряжении диагностические контексты, можно перейти ко второму шагу, а именно к выделению основных типов анализируемых контекстов по параметрам предельности и каузальной связанности событий. Мы ограничимся рассмотрением следующих трех типов контекстов, наиболее показательных для понимания общей картины:

- сочетание двух одновременных точечных событий, при котором возможна только интерпретация стандартного следования (раздел 36.4.2.2);
- сочетание длительного главного и точечного зависимого события, при котором, помимо стандартного следования, возможны прочтения ограничительного следования и результата (раздел 36.4.2.3);
- сочетание двух точечных, каузально связанных событий, при котором возможна только интерпретация результата (раздел 36.4.2.4).

Контекстов с единственной интерпретацией ограничительного следования, по-видимому, не существует (всегда доступна интерпретация стандартного следования), поэтому информация, касающаяся этой функции *-meškā*, будет выведена из сравнения второго типа контекста с первым, а информация об интерпретации результата — из сравнения третьего типа контекста со вторым.

Третий и последний шаг — анализ трех типов контекстов по параметрам информационно-структурной функции зависимой клаузы и полярности главной клаузы. Как показывает материал разных языков, ср. общие замечания о деепричастиях и информационной структуре в [König 1995: 85–91] и обсуждение конструкций следования в [Муравьев 2017: 231–236], информационно-структурная оппозиция между топиком и фокусом играет не менее значимую роль для различения интерпретаций стандартного и ограничительного следования, чем предельность событий, а именно: при стандартном следовании зависимая клауза, как правило, находится в топике, а при ограничительном — в фокусе. Объяснение этому достаточно простое. Если описывать пространственную семантику в терминах фигуры и фона, как предложено в [Talmy 1978], то, в частности, новую информацию об объекте-фигуре мы узнаём, опираясь на известную информацию об объекте-фоне, ср. сравнительный список свойств фона и фигуры в [Talmy 2000: 183], что, по сути, делает фон более топикальным в дискурсе. В свою очередь, семантика временной локализации и таксиса, в частности функция стандартного следования, устроены похожим образом, представляя собой метафорическое расширение пространственной семантики. В темпоральной конструкции с двумя событиями говорящий использует сравнительно более известное событие для локализации более нового события. В случае стандартного следования отправной точкой является зависимое событие, которое задает ориентир для главного события, следовательно, зависимое событие должно быть топикальным, ср. наблюдение об ассертивном статусе фигуры и пресуппозитивном статусе фона применительно к событиям в обстоятельственной конструкции [Talmy 1978: 423]. В сравнении со стандартным следованием, ограничительное следование не относится к локализуемым отношениям. Оно в некотором смысле противоположно стандартному, поскольку положение на оси времени главного события уже известно и основной коммуникативной целью говорящего является сообщение информации о характере его протекания и о его временных границах, которыми, в частности, могут служить и другие события. Поэтому ограничивающее

зависимое событие, напротив, оказывается в фокусе. Особенно хорошо это заметно, когда зависимое событие является неожиданным или происходит в заранее непредсказуемое время, ср. *Петя читал газету, пока не зазвонил телефон* /³*перед тем как зазвонил телефон*; *Петя читал газету, пока ему не наскучило* /³*перед тем как ему наскучило*. Тем самым анализ того, насколько деепричастия с показателем *-meškă* вписываются в эту картину, может быть проведен при помощи вопросно-ответных пар с постановкой в фокус вопроса зависимой и главной клаузы. Важно, однако, понимать, что в фокус вопроса можно поставить и данную информацию, что происходит, если говорящий запрашивает содержание зависимой клаузы при стандартном следовании. Рассмотрим, к примеру, вопросно-ответную пару: *Когда Петя включил телевизор? — Он включил телевизор, перед тем как пришла Машиа*. Здесь ответом на поставленный вопрос является зависимая клауза *перед тем как пришла Машиа*, но в ней содержится информация о событии, время которого уже должно быть известно автору вопроса, иначе состоявшийся диалог обернулся бы коммуникативной неудачей. Поэтому в ответе на вопрос в фокусе оказывается не само зависимое событие, а отношение порядка на оси времени между ним и главным событием. Такой вид фокуса, соотносящего между собой фрагменты данной информации, в литературе называется идентификационным фокусом, ср., например, [É. Kiss 1998].

С учетом возможного наличия в конструкциях с *-meškă* оператора отрицания принципиально важно понимать, как взаимодействуют данные конструкции с эксплицитно выраженным отрицанием. Для горномарийского языка релевантно отрицание в главной клаузе, поскольку сама зависимая клауза с *-meškă* не допускает эксплицитного выражения отрицания. В [Bickel 2010a: 58–60] при обсуждении структурных типов зависимых клауз в языках мира выделяется три возможных варианта сферы действия отрицания в полипредикативной конструкции: в сфере действия отрицания находится а) только главная клауза, б) только зависимая клауза, в) обе клаузы. Применительно к конструкциям следования данный вопрос, насколько нам известно, не рассматривался, см. обсуждение в [Муравьев 2017: 146–149], а также анализ мокшанского материала в [Муравьев 2018: 741–742]. При стандартном следовании зависимая клауза находится в топике предложения и, следовательно, не может входить в сферу действия отрицания, ср. *Перед тем как работать, Петя не поел* (= *Петя работал, но не поел*). При ограничительном же следовании зависимая клауза входит в фокус, и здесь могут быть разные возможности, ср. *Петя не ел до прихода Васи* (= *Петя не ел, потом пришел Вася*) и *Петя не работал до изнеможения* (= *Петя работал, но не изнемогал*). Возможности деепричастий на *-meškă* с точки зрения сферы действия отрицания можно, таким образом, определить по набору доступных интерпретаций при постановке всех аспектуальных и информационно-структурных вариантов предложений в отрицательный контекст.

Итак, для анализа конструкции с *-meškă* релевантны следующие параметры и их значения:

1. Предельность главного и зависимого событий: точечное (предельное) или длительное (непредельное).
2. Каузальная связанность двух событий: обязательная или факультативная.
3. Информационно-структурная функция зависимой клаузы: топик или фокус (в том числе идентификационный).
4. Сфера действия отрицания в главной клаузе: главная клауза, зависимая клауза, обе клаузы.

Итог сравнения трех типов контекстов (стандартного следования, ограничительного следования, результата) будет представлен в [разделе 36.4.2.5](#) в виде матрицы свойств, по которой можно будет сравнить между собой все три интерпретации *-meškă*.

36.4.2.2 Два точечных события: стандартное следование

Рассмотрим для начала сочетание двух точечных разновременных событий ‘прийти’ и ‘дойти’. Разновременные точечные события могут быть связаны только отношением стандартного следования, но не ограничительного следования, поскольку последнее требует длительного главного события (ср. *Вася шел, пока не пришел домой*, где первое длительное событие прекращается вторым). Таким образом, для утвердительного сочетания ‘прийти’ и ‘дойти’ остаются два возможных прочтения конструкции: (67), где клауза с *-meškă* занимает топикальную позицию, и (68), где клауза с *-meškă* по-прежнему топикальна, но связана с главной клаузой отношением идентификационного фокуса (в фокусе не само зависимое событие, а отношение во времени между ним и главным событием).

(67) *vas'a tol-meškā tādä to-kā-žā šo-n.*
 Вася приходить-CVB.LIM он дом-ILL2-POSS.3SG достигать-PRET
 [Докуда Маша дошла до прихода Васи?] ‘До прихода Васи она дошла **до дома**’.

(68) *tādä vas'a tol-meškā to-kā-žā šo-n.*
 он Вася приходить-CVB.LIM дом-ILL2-POSS.3SG достигать-PRET
 [Когда Маша дошла до дома?] ‘Она дошла до дома **до прихода Васи**’.

Из отрицательных аналогов примеров (67)–(68) единственным прагматически приемлемым оказывается предложение (69) с зависимой клаузой в топике и фокусом на главном предикате, ср. прагматически странный, хотя и грамматичный контекст (70).

(69) *vas'a tol-meškā tādä to-kā-žā šo-te.*
 Вася приходить-CVB.LIM он дом-ILL2-POSS.3SG достигать-NEG.PRET
 [До прихода Васи Маша дошла до дома?] ‘До прихода Васи она **не дошла** до дома’.

(70) *#tādä vas'a tol-meškā to-kā-žā šo-te.*
 он Вася приходить-CVB.LIM дом-ILL2-POSS.3SG достигать-NEG.PRET
 Ожидаемое значение: ‘Она не дошла до дома **до прихода Васи**’.

Впрочем, отрицанием предельного предиката, как в случае предиката ‘закрывать’ в (71), может также вводиться состояние «ненаступления» главного события (см. [Падучева 2008: 8]), которое имеет собственную длительность и ограничивается в данном случае главным событием начала дождя. В получившейся конструкции ограничительного следования клауза с *-meškā* оказывается уже в фокусе высказывания, а само высказывание несет импликацию наступления главного события после зависимого, ср. обсуждение в начале раздела.

(71) *jur tol-meškā mān' okn'a-m čüč-tel-am.*
 дождь приходить-CVB.LIM я окно-ACC закрывать-NEG.PRET-1SG
 [Как долго ты не закрывал окно?] ‘Я не закрывал окно, **пока не начался дождь** [а потом закрыл]’.

36.4.2.3 Точечное и длительное событие: стандартное и ограничительное следование

Теперь перейдем к более сложному случаю с сочетанием точечного зависимого события ‘зажечь’ или ‘погасить’ и длительного главного события ‘спать’. Поскольку в этом случае, в отличие от предыдущего, главное событие длительное, помимо интерпретации стандартного следования (см. (72) и первую интерпретацию в (73)) с зависимой клаузой в топике (во втором случае — с идентификационным фокусом на отношении во времени), также оказывается доступной интерпретация ограничительного следования (см. вторую интерпретацию в (73)) с зависимой клаузой в фокусе. Последний вариант может также использоваться при идентификационном фокусе — как утвердительный ответ на общий вопрос, спала ли Маша до включения света. Также стоит отметить, что второе прочтение примера (73) может подразумевать каузальную связь между зависимым и главным событием (Маша проснулась, потому что включили свет), но в отличие от контекстов результата наличие каузальной зависимости между двумя событиями факультативно.

(72) *sv'et-əm čüktä-meškā tādä amal-en.*
 свет-ACC зажигать-CVB.LIM он спать-PRET
 [Что Маша делала до включения света?] ‘До включения света она **спала**’.

(73) *tādä sv'et-əm čüktä-meškā amal-en.*
 он свет-ACC зажигать-CVB.LIM спать-PRET
 [Когда Маша спала?] ‘Она спала **перед включением света**’.
 [Как долго Маша спала?] ‘Она спала **до включения света**’.

Отрицание стандартного следования с топикальной зависимой клаузой⁵ представлено в (74) и в первом прочтении в (75). Второе прочтение в (75) иллюстрирует ограничительное следование с помещением зависимой

⁵ Зависимый предикат *čüktäš* ‘зажигать’ по прагматическим соображениям заменен на *jörtäš* ‘гасить’.

клаузы в фокус (в том числе идентификационный при ответе на общий вопрос). Аналогично примеру (71), в этом случае выражен ответ на вопрос о том, сколько длилось состояние ненаступления Машиного сна, и здесь мы снова имеем импликацию его наступления уже после события ‘погасить свет’.

(74) *sv'et-əm jör-tä-meškä tädä amalâ-de.*
 свет-ACC гаснуть-CAUS-CVB.LIM он спать-NEG.PRET
 [До выключения света Маша **спала?**] ‘До выключения света она **не спала**’.

(75) *tädä sv'et-əm jör-tä-meškä amalâ-de.*
 он свет-ACC гаснуть-CAUS-CVB.LIM спать-NEG.PRET
 [Когда Маша не спала?] ‘Она не спала **перед выключением света**’.
 [Как долго Маша не спала?] ‘Она не спала **до выключения света**’.

В некоторых похожих контекстах с отрицанием вроде (76), наряду с первыми двумя аналогичными интерпретациями, возможно еще и третье прочтение, в котором речь идет о длительности самого события Машиного сна и отрицании того, что ограничительной точкой для этого события был именно момент восхода солнца, а не другой момент ранее. Последняя интерпретация примера (76), тем самым, представляет собой случай идентификационного фокуса со смещенным отрицанием [Падучева 1974; Богуславский 1985]: в фокусе оказывается не само зависимое событие восхода солнца, а ограничительное отношение между ним и Машиним сном, и отрицание, хотя формально выражено на основном глаголе, относится именно к этому отношению.

(76) *tädä kečä läk-meškä amalâ-de.*
 он солнце выходить-CVB.LIM спать-NEG.PRET
 [Когда Маша не спала?] ‘Она не спала **до восхода солнца**’.
 [Как долго Маша не спала?] ‘Она не спала **до восхода солнца**’.
 [Маша спала до восхода солнца?] ‘Она спала **не до восхода солнца**’.

Различие между (75) и (76), по-видимому, состоит в том, что событие восхода солнца по сравнению с выключением света является конвенциональным временным ориентиром для сна, и отрицание события восхода солнца как точки завершения сна воспринимается как неожиданное. В свою очередь, выключение света не формирует никаких ожиданий относительно длительности сна, поэтому отрицание этого события как ограничительной точки вне специально сконструированного контекста не несет в себе какой-либо новой и значимой информации, нарушая максимум релевантности Грайса (см. [Grice 1975]).

Важно и то, что третья отрицательная интерпретация проявляется именно в этой серии контекстов с точечным и длительным событиями, но не в предыдущей (ср. примеры (69)–(71) с двумя точечными событиями), и происходит это не случайно. Для интерпретации ограничительного следования необходимо, чтобы главное событие было длительным, тогда как в контексте вроде (69) с двумя точечными событиями и его дальнейших вариантах сделать главное событие длительным может только наличие отрицания, вводящего состояние ненаступления модифицируемого им события. В свою очередь, в (75)–(76) главное событие само по себе длительное, поэтому отрицание обретает большую степень функциональной свободы и может, как в третьей интерпретации примера (76), указывать на отсутствие ограничительного отношения между двумя событиями.

36.4.2.4 Конструкция результата

Принципиально иным образом устроена конструкция результата. Во-первых, она не ограничена с точки зрения предельности событий, ср. (77) с двумя непосредственно следующими друг за другом точечными зависимыми событиями ‘ударить’ и ‘выйти’ и (78) с длительным результатом ‘ходить’ точечного события ‘разволноваться’.

(77) *pet'a vas'a-m vör läk-meškä šel-än kolt-en.*
 Петя Вася-ACC кровь выходить-CVB.LIM ударить-CVB посылать-RET
 ‘Петя ударил Васю до крови’.

(78) *pet'a pört mäch-kâ kaš-meškä târgâž-lan-en.*
 Петя дом конец-ILL2 ходить-CVB.LIM беспокойный-MAN-RET
 ‘Петя до того разволновался, что стал ходить по дому’.

Во-вторых, наиболее естественной и при утвердительном, и при отрицательном варианте является такая вопросно-ответная пара, как в (79) или (80), в которой *-meškā* заполняет фокусную (включая идентификационный фокус) предглагольную позицию (ср., к примеру, [de Groot 2017: 539]). В (80) отрицание, как и при ограничительном следовании, является смещенным и относится к зависимому, а не к непосредственно модифицируемому главному событию.

(79) *tādā vas'a-m vār lūk-meškā šel-ən kolt-en.*
 он Вася-ACC кровь выходить-CVB.LIM ударить-CVB послать-PRET
 [Как сильно Петя Васю ударил?] 'Он ударил Васю **до крови**'.

(80) *tādā vas'a-m vār lūk-meškā šel-ən koltā-de.*
 он Вася-ACC кровь выходить-CVB.LIM ударить-CVB послать-NEG.PRET
 [Петя Васю до крови ударил?] 'Он ударил Васю **не до крови**'.

Однако топикализация клаузы с *-meškā* в значении результата все же возможна, например, при аргументном фокусе на прямом дополнении, как в (81), с помещением прямого дополнения *kol'am* 'Колю' в предглагольную фокусную позицию.

(81) *pet'a vār lūk-meškā vas'a-m agəl, kol'a-m šel-ən.*
 Петя кровь выходить-CVB.LIM Вася-ACC NEG Коля-ACC ударить-PRET
 'Петя до крови ударил не Васю, а **Колю**'.

36.4.2.5 Обобщение

Взаимодействие рассмотренных параметров при различных интерпретациях деепричастной формы следования на *-meškā* суммировано в Таблице 1.

Таблица 1. Распределения значений рассматриваемых параметров по интерпретациям *-meškā*

	<i>Стандартное следование</i>	<i>Ограничительное следование</i>	<i>Результат</i>
Функция в информационной структуре	топик	фокус	фокус
Сфера действия отрицания	главная клауза	главная клауза зависимая клауза	зависимая клауза
Предельность событий	любые	длительное + точечное	любые
Каузальная связанность событий	—	факультативная	обязательная

Как можно видеть из распределения значений параметров в Таблице 1, интерпретации стандартного следования и результата находятся в почти полярной оппозиции. При стандартном следовании зависимая клауза с *-meškā* выполняет роль топикального обстоятельства времени, непрозрачного для сферы действия отрицания в главной клаузе. В свою очередь, при интерпретации результата зависимая клауза с *-meškā* попадает в фокусную часть высказывания и в сферу действия отрицания. Определяющей семантической характеристикой результата по сравнению со стандартным следованием является каузальная связанность событий: событие, описываемое зависимой клаузой с *-meškā*, в этом употреблении является прагматическим следствием развития события, описываемого главной клаузой. Как и стандартное следование, интерпретация результата не накладывает аспектуальных ограничений на события.

Ограничительное следование занимает промежуточное положение между стандартным следованием и результатом. В этом употреблении деепричастная клауза с *-meškā*, в отличие от стандартного следования, оказывается в фокусе высказывания. В сфере действия отрицания, как и при стандартном следовании, оказывается главная клауза, но при этом также возможно прочтение со смещенным отрицанием, при котором в

сфере действия отрицания оказывается зависимая клауза. Ключевым для ограничительного следования является параметр предельности событий: главное событие обязано быть длительным, зависимое — точечным. При этом отрицание в главной клаузе может создавать предикат, описывающий состояние отсутствия модифицируемого им события, который тоже является длительным. В этом случае конструкция с *-meškă* описывает прекращение зависимым событием отсутствующего главного события, что равноценно его наступлению по прошествии зависимого события. При ограничительном следовании, как и при результате, события могут быть каузально связанными, но в этом употреблении *-meškă* такая связь факультативна.

36.5 Заключение

В данной главе были рассмотрены две горномарийские деепричастные формы, выражающие таксисные отношения между двумя событиями: деепричастие на *-măkă* и деепричастие на *-meškă*. Форма на *-măkă* выражает наиболее общую разновидность таксисного значения предшествования, а также может использоваться в контекстах, близких к условным. Наибольший интерес представляют контексты, в которых деепричастие на *-măkă* неожиданным образом выражает одновременность событий. При более детальном рассмотрении оказывается, что все эти контексты представляют случаи особой конструкции обнаружения главного события, где точечное зависимое событие приходится на актуально-длительный отрезок главного события. И хотя сами называемые в предложении главное и зависимое события оказываются одновременными, смысл предшествования, приносимый формой на *-măkă*, сохраняется: зависимое событие предшествует не самому главному событию, а имплицитному событию обнаружения главного события.

Форма на *-meškă* выражает таксисное значение следования с двумя его основными разновидностями: стандартным и ограничительным следованием, — а также значения результата и предпочтения. Любопытный феномен представляет интерпретация деепричастий на *-meškă*, которая зависит от взаимодействия тесно переплетенных факторов предельности событий, информационной структуры, отрицания и каузальной связанности событий. Тем самым опыт исследования обеих форм свидетельствует о том, что полноценное описание семантики деепричастий не может ограничиваться простым перечислением их таксисных интерпретаций и аспектуальных ограничений и требует внимания к разнообразным аспектам их функционирования: прагматическим, информационно-структурным и лексическим.